

Чай Цзыжань вовремя вставил: «Так ты отдалась ему в благодарность». Хихикнул: «Девушка Чжу Чжу только что упомянула, что мясник Чжу строго тебя воспитывает. Однако, когда наш новый начальник уезда вступил в должность, твой отец весьма беспокоился о твоём замужестве и даже в зале суда не преминул тебя сосватать».

Чжу Чжу сохраняла невозмутимость, не проявляя ни малейшего волнения. Мясник Чжу сказал: «Тогда я поторопился. Моя дочь Чжу Чжу уже не юна, и, услышав, что новый начальник уезда не женат, да ещё богат и знатен, я, не спросив дочери, поспешно предложил её».

Чжу Чжу улыбнулась: «Отец боялся, что я в девках засижусь, вот и присмотрел мне в женихи начальника уезда. Не ведал он, что ни жених, ни невеста друг к другу не склонны. Прошу прощения у начальника уезда и господина Цзыжана за смущение». Сказав это, она грациозно поклонилась.

Хотя она и была дочерью мясника, вид имела чистый, манеры — изысканные, держалась скромно и достойно. Трудно было поверить словам Матушки Хуа. Матушка Чжан холодно усмехнулась: «В точности как твоя подлая мать — любишь строить из себя невинность и дурачить мужчин».

Цзинь Синь гневно сжал кулак: «Осмелишься ещё раз оскорбить Чжу Чжу или её семью — пеняй на себя!»

Матушка Чжан шмыгнула за спину Чай Цзыжана, прижимая руку к ещё ноющему животу, вся полная злобы. Чай Цзыжань прикрыл её от гневного взгляда Цзинь Синя и усмехнулся: «Господин Цзинь Синь, да когда вы с ней церемонились-то?»

Цзинь Синь фыркнул: «С подобной низкой тварью и церемониться-то незачем».

Чжу Чжу мягко потянула его за рукав, качая головой: «Цзинь Синь, не надо. Матушка Хуа — тоже несчастная, не стоит так к ней относиться».

Цзинь Синь ответил: «Чжу Чжу, ты добра, но другие — не таковы. Особенно некоторые коварные продажные твари». Его взгляд по-прежнему яростно сверлил Матушку Чжан.

Матушка Чжан зло рассмеялась: «Эту свою драгоценную жизнь ты обязан подлой шлюхе из нашего «Терема Хуахуа»! Не хочешь — откажись от неё!»

Цзинь Синь взметнул кулак: «Меня спасла Чжу Чжу! Ещё слово — и спалю твой бордель дотла!»

«Ты!..» — Матушка Чжан, не смея возразить, стиснула зубы.

Мо Цзюцзюнь гулко ударил судейской колотушкой, и спорщики разом примолкли. Мо Цзюцзюнь спросил Чжу Чжу: «Ты оставила бесчувственного Цзинь Синя в доме Хэ Бо. Кто ещё об этом знал?»

Чжу Чжу ответила: «Хэ Бо и его жена могут подтвердить».

Мо Цзюцзюнь бесстрастно молвил: «Ввести».

Они уже дожидались у входа в управу и, услышав вызов, вошли спокойно, опустились на колени и почтительно поклонились Мо Цзюцзюню. Тот сказал: «Изложите всё, что вам

известно, без утайки».

Хэ Бо начал: «Род мой из поколения в поколение живёт в уезде Суюй на реке Суюй. Испокон веков мы служим речными смотрителями, сторожа берега — не утонул ли кто, не потерпело ли крушение судно. Несколько дней назад узрел я, как девушка Чжу Чжу бамбуковым шестом пытается кого-то из воды вытащить. Да где там! Я подогнал лодку...» Он тревожно оглядел зал и, увидев Цзинь Синя, облегчённо вздохнул: «...вот этого самого господина. Хотя я и помог девушке Чжу Чжу, но только её доброе сердце спасло господину жизнь».

Жена Хэ Бо подхватила: «Верно, верно! Чжу Чжу, спася того человека, сказала, что боится домой возвращаться — как бы мясник Чжу не отругал. Я и предложила, чтоб этот господин...» — она указала на Цзинь Синя — «...остался у нас. Ранен он был тяжело, несколько дней без памяти пролежал».

Мо Цзюцзюнь снова повелел: «Пригласить лекаря».

Менее чем за четверть часа в зале появился врач, лечивший Цзинь Синя. Увидев того, он оживился: «Господин, вы уже поправились?» Взглянув на Чжу Чжу, он с одобрением добавил: «Девушка Чжу Чжу и впрямь сердцем щедра. Ваше семейство за год-то сотни лянов едва наживает, а вы на дорогие снадобья для господина раскошелились».

Матушка Хуа не выдержала и взорвалась: «Совесть-то у вас троих есть? Сколько вам эта подлая чучелка заплатила, чтобы вы её подвиги на неё же и списали?» Она с ненавистью ткнула пальцем в Чжу Чжу, будто жаждала живьём её проглотить.

Чжу Чжу в страхе отступила на шаг. Цзинь Синь заслонил её собой и сверкнул глазами на Матушку Хуа: «Хватит городить чепуху!»

Матушка Хуа, поджав губы, отступила на два шага и, чувствуя себя обиженной, разрыдалась.

Чжу Чжу вышла из-за спины Цзинь Синя, и в её глазах мелькнула печаль: «Матушка Хуа, я не в обиде, что ты так обо мне думаешь. Ты растила Чжан Хуахуа как родную дочь, вот и поверила её словам. Но ведаешь ли ты, что она тебя обманывала?» Чжу Чжу взяла руку Цзинь Синя, и взгляд её просиял: «Мы с господином Цзинь Синем сердцами сошлись. Отец его — генерал Хунмэнь, правая рука императора, я же — всего лишь дочь мясника. Она мне позавидовала, возжелала выдать себя за меня, чтобы быть с господином Цзинь Синем. Я её понимаю».

Матушка Хуа плюнула: «Бесстыдница!»

В глазах Чжу Чжу блеснула жалость: «У меня есть ещё один свидетель, что Чжан Хуахуа лгала».

Мо Цзюцзюнь, сверкнув глазами, молвил: «Ввести».

В зал под конвоем грубых стражников ввели сгорбленную старуху. Всего за несколько дней бабушка Чжан Хуахуа из бойкой на язык свахи превратилась в дряхлую старуху, будто готовая лечь в гроб. Чжу Чжу ласково взяла её под руку и сказала: «Бабушка Чжан, ты — родная бабушка Чжан Хуахуа. Ты-то уж точно знаешь, лгала ли она».

Измощённое лицо старухи оставалось бесстрастным, на губах изогнулась улыбка, больше похожая на гримасу. Она проговорила: «Да, Хуахуа солгала».

В зале воцарилась тишина, слышно было, как муха пролетит.

Чжу Чжу отпустила руку бабушки Чжан, повернулась к Мо Цзюцзюню и грациозно поклонилась: «Признаю, семья моя небогата, но подкупить свидетелей мне было бы не трудно. Однако бабушка Чжан — не чета другим. Она — родная бабушка Матушки Чжан, они вместе и горе делили, и радость. Ни за что на свете не стала бы она ради меня лжесвидетельствовать».

«Бабушка... бабушка... ты... зачем, зачем... у-у-у...» — у входа в управу появилась женщина в вызывающем наряде, поддерживая бледную Чжан Хуахуа. Та смотрела то с печалью, то с усмешкой, не договорила и, прикрыв рот рукой, зарыдала.

«Чжан Хуахуа, ты не только сама в грязь ударилась, но и сердце у тебя чёрное, сама на себя беду накликала». Цзинь Синь выхватил из-за пазухи серебряную ассигнацию в пятьсот лянов и швырнул её Чжан Хуахуа в лицо. «Вчерашнее спасение твоей жизни считаю, что собака укусила. Эти деньги — на лечение твоего безумия. Надеюсь, впредь ты, помня об этих пятистах лянах, сидеть будешь смиренно дома и не станешь по улицам лаять». Он легонько обнял Чжу Чжу за плечи и, метнув на Чжан Хуахуа свирепый взгляд, добавил: «И не смей больше клеветать на Чжу Чжу, а не то я сделаю так, что в уезде Суюй тебе житья не будет».

«Бам!» — Мо Цзюцзюнь грохнул колотушкой, взгляд его потемнел. — «Господин Цзинь Синь, смелости у вас не занимать! В зале суда, перед лицом начальника уезда Суюй, оскорблять жителей уезда!»

Цзинь Синь нахмурился, сложил руки и поклонился: «Цзинь Синя обуял гнев от столь бесстыдных речей. Прошу у господина Цзюцзюня прощения».

Чай Цзыжань ехидно ввернул: «Если каждый, кто в зале суда похабное изречёт, будет отмазываться так, то на что тогда законы империи?»

Цзинь Синь ответил: «Чай Цзыжань, хоть между нами и были трения, но то — сущие пустяки. Ныне же я, можно сказать, обрёл свою судьбу. Прошлое забудем. Советую и тебе вести себя подобающе».

Чай Цзыжань с преувеличенным почтением воскликнул: «Как же ты великодушен!» — смущённо покосился на Чжу Чжу и усмехнулся:

— «Девушка Чжу Чжу, мастерства тебе не занимать!»

Чжу Чжу потупилась, сделав вид, что смутилась: «Это мне выпала удача».

Чай Цзыжань усмехнулся и умолк. Мо Цзюцзюнь ударил колотушкой и провозгласил: «Матушка Чжан уже получила за Чжан Хуахуа пятьсот лянов. Дело сие считаю закрытым. Цзинь Синь, за оскорбительные речи и нарушение порядка в зале суда, согласно законам империи, присуждается к двадцати ударам палками».

Чжан Хуахуа, побледнев от ужаса, воскликнула: «Господин Цзинь Синь ещё не оправился от ран! Двадцать ударов могут его убить!»

Цзинь Синь нахмурился: «Хм! Чжан Хуахуа, убери свою жалостливую рожу. Не нужна она мне».

Лицо Чжан Хуахуа, и без того белое, побелело ещё больше.

Чжу Чжу пала на колени: «Умоляю вашу милость, проявить снисхождение! Цзинь Синь сделал это ради меня. Я готова принять наказание вместо него!» Цзинь Синь поднял Чжу Чжу,

передал под присмотр мяснику Чжу, затем по-мужски хлопнул себя по груди: «Что там двадцать ударов? Не страшно мне!»

<http://bllate.org/book/15931/1423933>